

9. Успенский П. Чудско-русский словарь. СПб., 1913.
10. Хашба А. Внимание проблемам лингвистики//Советская этнография. 1931. № 1—2. С. 163.
11. Хямяляйнен М. М. Не пора ли заняться вепским языком?//Красная Карелия. 1937. 11 июня.
12. Хямяляйнен М. М. Об агглютинатах в вепском языке и в южно-карельских говорах карельского языка//Тр. Карельского филиала АН СССР. 1958. Вып. 12. С. 83—94.
13. Хямяляйнен М. М. О развитии внутреннеместных падежей в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков//Там же. 1960. Вып. 23. С. 84—109.
14. Хямяляйнен М. М. Внешнеместные падежи в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков//Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962. С. 109—126.
15. Хямяляйнен М. М. Вепский язык//Языки народов СССР. М., 1966. Т. 3. С. 81—101.
16. Яковлев С. Вепская литература и школа//Красная Карелия. 1937. 14 мая.
17. Andrejev F. A., Bogdanov N. J., Petuhov V. J., Silin J. A. Legend-knig. L., 1933.
18. Andrejev F., Hämmäläinen M. Bukvar', M.; L., 1936.
19. Bogdanov N., Loginov M., Bolšakov G. et al. Legend-knig. Toine čast'. M.; L., 1936.
20. Hämmäläinen M., Andrejev F. Vepskijan kelen grammatik. L., 1934.
21. Hämmäläinen M. M., Andrejev F. A. Vepsa-venähine vajehnik. M.; L., 1936.
22. Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä I—II. Helsinki, 1920—1925.
23. Kettunen L. Löönnä-vepsä häälik-ajalugu, I—II. Tartu, 1922.
24. Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus//Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1943. T. 86.
25. Kettunen L., Siro P. Näytteitä vepsän murteista//Ibid. Helsinki, 1935. T. 70.
26. Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Helsinki, 1853.
27. Makarjev S. Vepsäläiset. Lyhyt kansatieteellinen kuvaus. L., 1931. 5,6.
28. Setälä E. N., Kala J. N. Näytteitä ääni- ja keskivepsän murteista//Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1951. T. 100.
29. Tunkeilo E. A. Vepsän kielen äännehistoria//Ibid. Helsinki, 1946. T. 228.

М. Муллонен

ИЗ ИСТОРИИ ВЕПССКОЙ ЛЕКСИКИ

Многовековые контакты между русским и вепским населением наложили заметный отпечаток на всю систему вепского языка. Большие изменения претерпели фонетическая система и грамматический строй, но наиболее сильному иноязычному влиянию подверглась лексика.

В разные исторические периоды русские слова проникали в вепский язык с различной интенсивностью. На наш взгляд,

можно выделить три пласта заимствований: 1) древние заимствования, являющиеся общими для многих прибалтийско-финских языков; 2) более поздние заимствования, вошедшие в вепсский язык в период его самостоятельного развития; 3) новейшие заимствования, усвоенные вепсским языком в основном в годы Советской власти. Слова первой и второй группы подверглись полной фонетической и морфологической адаптации. Славянские и древнерусские заимствования, бытующие в вепсском языке еще с периода прибалтийско-финской общности, отражают более древнее фонетическое состояние русского языка.

Когда предки современных вепсов, отделившись от остальных западно-финских племен, обосновались в районе между Ладожским, Онежским и Белым озерами, вепсский язык начал развиваться обособленно, попав под сильное воздействие русского языка.

На протяжении столетий в вепсский язык вошло большое количество лексики из соседних северно-русских говоров. Изучение этого слоя лексики имеет определенное значение не только для истории вепсского языка (и вепсского народа), но и для исследования некоторых аспектов русской диалектологии. Вепсский язык нередко выступает как хранитель слов и выражений, давно не бытующих в живой русской речи или сильно изменивших свое значение. Некоторые из них сохранились только в произведениях устного народного творчества или древних письменных памятниках, а вепсский язык довел их до наших дней как живые слова повседневной речи. Таков, например, глагол *naveŧta* 'любить' [2] от русского 'навидеть', который в значении 'любить' встречается в русском языке лишь в произведениях фольклора (в старых народных песнях), а также в русских диалектах [4]. В вепсском языке слово бытует во всех диалектах в разных значениях: *hän naved'ib lapsid* 'он любит детей'; *hõ toiñe toišt naveŧtaze* 'они любят друг друга'; *mina navedin kалад* 'я люблю рыбу'. Вепсское слово *agmastada* 'любить' в некоторых говорах постепенно сужало свое значение, сохранившись лишь в значении 'ласкать' [2]. По-видимому, эти глаголы первоначально сосуществовали как синонимы. Затем, по мере того как заимствованное слово расширяло свои позиции, исконное слово сужало значение или совсем вышло из употребления.

Другой пример. Существительное *šuiġ* 'левша' [2] заимствовано из северно-русских говоров. А. Подвысоцкий дает это слово в словаре архангельского наречия и указывает, что слово 'шуй, шуяк' в значении 'левый' было полностью забыто уже в прошлом веке [3]. Слово 'шуян' в значении 'левша' находим еще в словаре Даля [1]. В вепсском языке в значении 'левый' употребляется исконное слово *hug(a)*: *hug(a) kãz'i* 'левая рука', а в значении 'левша' — чаще всего заимствованное *šuiġ*: *šuiġ hũrau kãduu*

gadab 'левша работает левой рукой', хотя в отдельных говорах встречаем и производное от higa > higač 'левша'.

В некоторых случаях заимствованное слово полностью вытеснило исконное слово из употребления. Последнее сохранилось лишь в произведениях устного народного творчества как устойчивое фразеологическое сочетание или в топонимике. Наглядным примером может служить древнее германское заимствование gaħa, которое в прибалтийско-финских языках первоначально обозначало беличью шкурку, затем деньги. В вепсском языке в этом значении слово gaħa давно вытеснено русским заимствованием d'engad. О том, что оно когда-то бытовало, поведали нам старые похоронные плачи, в которых слово gaħa встречается в значении 'серебро' (ii tarbiz mileñ ni kūdad, ni rahad — 'не нужно мне ни золота, ни серебра') и в переносном значении как прилагательное дорогой, любимый (raħa mamkõñud 'дорогая маменька').

Даже такое обиходное слово, как pagišta 'говорить', в южно-вепсском диалекте заменено заимствованным глаголом baštã от русского диалектного басить, 'говорить, разговаривать' [4]. Интересно отметить, что в отдельных говорах средневепсского диалекта тоже есть слово baštã, но оно получило в них значение изобразительного глагола и употребляется в сочетании с глаголом pagišta: basib pagišta tühgäd 'болтает вздор'. (Ср. также южно-вепсское bask 'красивый' < рус. диал. 'баский' и исконно вепсское šõpa 'красивый'; средневепсское masfin < рус. диал. 'мостина' и rizu 'корзина'; läg < рус. диал. 'ляга', 'лужа, пруд' и исконно вепсское luht, uit 'лужа'; tamš 'баба, старуха' и ak с тем же значением). Эти примеры свидетельствуют о том, что самые обиходные, часто употребляющиеся слова нередко заменяются заимствованными. Сначала исконное и заимствованное слова сосуществуют как синонимы, но постепенно за ненадобностью в языке двух слов для обозначения одного понятия одно из них либо получает новые оттенки значения, либо совсем выходит из употребления и забывается. Рассмотрим это явление еще на примере синонимичной пары глаголов mijutada и krasťa 'красить' [2]. Уже с древних времен вепсы красили рыболовные сети и домотканое полотно. В качестве красителя использовали ольховую и ивовую кору, сок черники и брусники. Когда же начали красить полы, вместе с краской появились и заимствованные из русского языка слова krasк 'краска' и krasťa 'красить'. Вначале эти глаголы делили свои функции: mijutada 'красить сети, ткани', krasťa 'красить полы и прочие деревянные поверхности'. В отдельных говорах это деление существует по сей день, в других — глагол mijutada полностью вытеснен глаголом krasťa.

Во многих случаях иноязычное влияние способствует расширению семантики исконного слова, образуя лексические кальки. Расширение значения особенно характерно для наиболее употре-

бительных глаголов. Так, в результате интерференции под влиянием русских глаголов *идти, ходить* появились новые значения у глаголов *astta* 'идти, шагать' и *kävelta* 'ходить'. Можно, например, сказать *lumipilv astub* букв. 'снеговая туча шагает'; *časud jälghe astubad* 'часы отстают, букв. шагают сзади'; *lapselē nellanz vož astub* 'ребенку идет четвертый год'; *kut rad astub?* 'как идет (шагает) работа'. Примеры с глаголом *kävelta*: *kudamaha klasha käveled?* 'в который класс ходишь?'; *aha kävelob perřimu* 'ветер ходит по избе'.

Существительное *so* обозначает в некоторых южно-вепских говорах болото и мох, в соседних русских говорах слово *болото* имеет также значение 'мох' [1, 4]. Отсюда глагол *somřta* 'мшить' рядом с исконно вепским *samauta* < *samau* 'мох' [2].

Глагол *liñeb* 'будет' получил дополнительное значение 'хватит, достаточно' [2] в результате калькирования диалектного значения соответствующего русского слова.

Многие вепские фразеологизмы являются прямыми кальками с русского языка. Примеры: *antta vajeh* 'дать слово', *otta tuukhu* 'взять в толк', *kinged korvale* 'тугой на ухо', *mändä vepcan* алле 'идти под венец', *siizutada samvar* 'поставить самовар' и др.

Примечательно, что иногда на вепской почве заимствованный из русского языка фразеологизм сохранился в более древнем виде, в нем просвечивает еще его первоначальное значение. Например, *roig pahodib tathazo, ani jaloihe valetud* 'сын похож на отца как вылитый' (досл. 'как в льяло вылитый'). В русском языке слово *льяло* давно вышло из употребления. В северно-русских причитаниях, собранных Барсовым, это слово встречается в двух вариантах — *льяло* и *яло* в значении 'форма для литья свечей' [1]. В вепском языке слово *jalo* бытует только в этом устойчивом выражении.

В заключение следует указать на то, что несмотря на столь сильное влияние русского языка, которое дает о себе знать на всех языковых уровнях, вепский язык сохранил свою фонетическую и грамматическую систему, самобытную лексику. Лексика вепского языка в ее историческом развитии еще слабо изучена. Она может дать богатый материал для исследования истории прибалтийско-финских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. Словарь живого великорусского языка. СПб., 1903.
2. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972.
3. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
4. Словарь русских народных говоров. Т. 1—23. М.; Л., 1965—1987.